

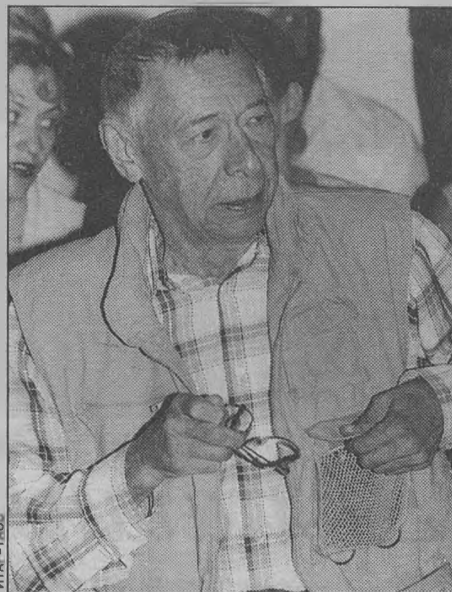
«Страдания наши перейдут в радость...»

Моек. новости.
-1997.- 28 сент. - 5 окт. ЮБИЛЕЙ
с. 20

1 октября Олегу Ефремову исполнится семьдесят. Сегодня он старше тех мхатовских стариков, которые почти тридцать лет назад позвали его на квартиру Яншина и предложили возглавить Художественный. Каким будет и будет ли вообще его собственное «Соло для часов с боем»?

лавским четвертая стена и впрямь существовала на мхатовской сцене. Просто все уже было другим: другой уровень культуры, другие нравственные ориентиры, другой стиль жизни. Получалось то, чего в принципе и заслуживали семидесятые и восьмидесятые. Парадоксы эпохи: ниспровергатель традиций, каким Ефремов был поначалу, оказался их охранителем по убеждению и по положению. Наследный принцип невольно убивал то, что любил больше всего на свете: «Мы то всего вернее губим, что сердцу нашему милей». Талант Ефремова как катализатор кризиса современной театральной системы – может быть, такое исследование появится в следующем веке.

В последнее время Ефремов отказывается быть социальным типажом – а актер он, что называется, от Бога, таких больше нет и не будет, – опасно примеривается к современной пьесе и продолжает ставить классику. Его отнюдь не эпатажные «Три сестры» вновь всколыхнули общественность, вызвав противоположные мнения. Люд-

Олег Ефремов

ким спектаклем, некогда приведшим в ужас коренных мхатовцев, нежели с предыдущими чеховскими работами Ефремова. Последние не случайно имели беший успех, например, в Японии: таким там и представляли себе Чехова во МХАТе. Ефремовская команда, занятая в тех спектаклях, неуловимо напоминала чем-то человека, на которого свалилось огромное бесценное наследство. В его распоряжении оказались

фамильные сервизы, серебро, столы из карельской березы, и надо было всем этим пользоваться, хотя хотелось расслабиться и закусить селедочкой на газете. Привыкание было мучительным, но долгожданная искра высекалась не в тех стилизованных и по-своему цельных постановках, а в этой – странной, нелепой, местами откровенно грубой, где у каждого персонажа своя драма и мало общего с остальными. Лидер поколения, человек команды, которого любили все и всегда, поставил спектакль о тотальном одиночестве всех и вся.

Семь лет назад он говорил: «Мы разучились ценить актерское искусство, мы слишком рациональны, ищем во всем концепцию. Вот зритель не разучился. И я лишь сейчас, можно сказать, на старости лет, понял, что театр – это только актер. У меня их мало. Есть несколько – звено будущей труппы, которая должна быть и будет. И они сделают мне театр, я в это верю». Жизнь рассудила по-своему. Еще один парадокс: по моему глубокому убеждению, его наследники по прямой работают вовсе не в возглавляемом им театре. Это даже не сын Олега Ефремова Михаил, который вместе с Иваном Охлобыстиным предпринял свою, тысяча первую в ряду подобных – и столь же безуспешную – попытку взорвать творческие каноны Художественного в спектакле «Злодейка, или Крик дельфина». Наследников Ефремова воспитал Табаков – тоже не чужой ему человек, и эти молодые выученики школы-студии МХАТа, которым уже тесновато в «табакерке», являют собой сегодня самое здоровое и обещающее театральное поколение. Будет ли с ними работать Ефремов? Вряд ли. Тем более что ему есть где занять и собственных актеров: он собирается ставить новую пьесу Петрушевской «Любимая».

В его последнем спектакле дочка великого Бориса Барнета Ольга, играющая свою тезку, снова, как и почти уже сто лет тому назад, обещает залу: «Страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас». О том, как страдало и любило поколение Олега Ефремова, сегодня стали забывать. Но если не понять и не прочувствовать их жизнь, забудут о нас, а не о них. Они свое слово уже сказали.

Нина АГИШЕВА